

A full-page background image of a soldier in a gas mask and tactical gear standing in a ruined city. The soldier is wearing a dark, heavily worn tactical suit with a gas mask that has a red light on the right side. A yellowish-brown cloth is draped over their shoulders. They are holding a rifle. The background shows a city in ruins with smoke in the air.

Сергей Патрушев

Рассвет в тени

Сергей Патрушев

Рассвет в тени

«Автор»

2026

Патрушев С.

Рассвет в тени / С. Патрушев — «Автор», 2026

Мир, утонувший в пепле и аномалиях, давно забыл, что такое надежда. Эван, сталкер из сектора трущоб, выживает среди руин, собирая остатки прошлого и не мечтая о будущем. Но одна случайная находка в сердце радиоактивного Котлована меняет всё. В руках Эвана оказывается Кодекс Забвения — древний манускрипт, который не просто книга, а ключ к происхождению Гнили, пожирающей реальность. За ним начинают охоту безликие культисты, а сама находка пробуждает в герое тёмную силу, меняющую саму его тень. Чтобы найти ответы и остановить расползающуюся скверну, Эвану и его спутнице Маре предстоит пересечь гиблые земли, заглянуть в глубины собственной души и дойти до Эпицентра, где двадцать лет назад был сделан роковой выбор. «Рассвет в тени» — это мрачная и одновременно лиричная история о выживании, любви и природе зла. Это путь сквозь иллюзии и страх к единственному сокровищу, которое невозможно уничтожить, — к человеческим чувствам, способным пережить любую катастрофу.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Рассвет в тени

Глава 1. Пепел на губах

Мир заканчивался не грохотом взрывов и не огненным дождем с небес, как пророчили древние книги. Он заканчивался тихо, погружаясь в серую морось, смешанную с пеплом, которая шуршала по капюшону моего плаща, словно крысиные лапки. Я стоял на краю того, что когда-то называлось смотровой площадкой Западного сектора, и смотрел вниз, в бездонную утробу Котлована. Ветра не было, лишь тяжелая, влажная тишина, приправленная химическим привкусом озона и разложения. Где-то глубоко внизу, в чреве разлома, пульсировало тусклое багровое зарево — сердце умирающего города, бьющееся в аритмии.

Я провел языком по потрескавшимся губам и почувствовал его — пепел. Он был везде. Он въедался в одежду, забивался в легкие, оседал на душе тонким серым налетом, который не смыть никакой водой. Говорили, что этот пепел — всё, что осталось от Старого Мира. От небоскребов, парков, людей и их глупых надежд. Я им не верил. По крайней мере, старался. Потому что если этот пепел и есть наше наследство, то цена, которую мы заплатили за выживание, была просто неподъемной.

Меня зовут Эван. Просто Эван. Фамилии здесь, за Периметром, не имели значения. Они стерлись так же, как границы государств и названия улиц. Здесь важны были другие вещи: скорость реакции, умение вовремя заметить блеск металла в развалинах и запас воды в схроне. Я занимался поиском. Не тем героическим сталкерством, о котором слагали баллады подвыпившие охранники в тавернах Внутреннего Круга. Нет, моя работа была куда прозаичнее. Я искал артефакты прошлого — не мощные накопители энергии, способные запитать целый бункер, а мелочи, хлам, за который можно выручить пару монет у коллекционеров или перекупщиков с Пустоши. Консервные банки с полустертыми этикетками, довоенные книги со слипшимися страницами, работающие батарейки — всё это было валютой в мире, где бумажные деньги годились лишь на растопку.

Путь в Котлован был похож на спуск по извилистому кишечнику гигантского окаменевшего зверя. Оплавленные куски арматуры торчали из бетонных обломков, словно ребра, пронзившие гнилую плоть. Каждый шаг отдавался эхом, многократно усиленным безмолвием. Я ступал осторожно, прощупывая носком сапога каждый камень. Здесь ловушки ставили не только люди. Сама земля была пропитана аномальной энергией, очагами нестабильности, которую мы называли «Гнилью». Одно неверное движение — и можно было наткнуться на «карман» спрессованного времени, где твое сердце успеет состариться на сотню лет за одну секунду. Или на кислотный туман, выжигающий легкие быстрее, чем ты успеешь закричать. Я знал парня, который нашел в развалинах старинный телефон в идеальном состоянии, но по пути обратно угодил в зону искаженной гравитации. Его нашли через неделю, расплюснутым в лепешку толщиной в дюйм, а из рюкзака все еще доносилась призрачная мелодия звонка. С тех пор я предпочитал огибать места, где воздух кажется слишком густым или пахнет жженой карамелью.

Сегодня меня вела наживка. Буквально два дня назад, когда я копался в секторе Ржавых Ангаров, один из бродяг по кличке Хромой Ларс за кружку мутного пойла рассказал мне про «эхо-комнату». Он божился, что видел собственным глазом, как в самом сердце Котлована,

под завалами старой библиотеки, сохранился нетронутый участок. Я бы не поверил бредням пьянчуги, но Ларс упомянул деталь, которая заставила мое сердце биться чаще. Он сказал, что там, за баррикадами из проржавевших стеллажей, стоит мертвая тишина, и в ней, словно в колыбели, на кресле-качалке сидит манекен, одетый в форму библиотекаря. А в руках у манекена — книга. Не рассыпающийся в труху фолиант, не грудка заплесневелой бумаги, а настоящая книга в цельном переплете с золотым тиснением, которое светится в темноте.

Я знал, что это, скорее всего, ловушка. Либо оптическая иллюзия, созданная Гнилью, либо приманка, оставленная «падальщиками» — бандой отморожков, что контролировала восточные катакомбы. Но образ книги не давал мне покоя. В нашем мире книги были не просто источником знаний. Это был символ. Символ порядка среди хаоса, тишины среди крика. В банде у нас был один старик — Шептун — он единственный умел читать бегло, и по вечерам, когда замолкал генератор, он пересказывал нам истории из прошлой жизни. Я помню его глухой голос, повествующий о морях, которых мы никогда не видели, о лесах, зеленых, а не бурых, о небе, которое было голубым, а не свинцово-серым. Мне казалось, что книга, которую я найду, сможет вернуть это ощущение. Хотя бы на миг. Хотя бы во сне.

Я спускался почти час. Котлован был коварен. Его склоны состояли не просто из земли и камня, а из слоеного пирога эпох. Верхний слой — искореженный металл транспортных тоннелей. Ниже — жилые кварталы, сплюснутые в гармошку неведомой силой. Ещё ниже — фундаменты, подвалы, бункеры. Я включил нацеленный фонарь. Конус желтого света выхватывал из мрака то детскую коляску, вросшую в бетон, то скелет дерева, покрытый копотью, то груды человеческих костей, аккуратно сложенных в пирамиду — метку территории «падальщиков». Воздух становился плотнее, холоднее, пробирал до костей. Запах озона усилился, что говорило о близости аномальной зоны. Я сбавил шаг, достал из поясного подсумка «Вертушку» — примитивный детектор аномалий, сделанный из старого компаса и куска радиоактивной руды. Стрелка бешено плясала, указывая то на восток, то на запад, но в общем векторе вела меня вниз, к багровому свечению.

Библиотека выросла передо мной внезапно. В этом городе руин все появлялось внезапно, будто из ниоткуда, из-за завесы тумана. Это было грандиозное, даже в своей гибели, здание. Фасад, расколотый надвое гигантской трещиной, держался на честном слове и металлических скрепах. Колонны портика лежали у входа, словно переломанные ноги гиганта. Надпись на фронтоне стерлась почти полностью, остался только фрагмент: «...знание — сила». Горькая ирония. Знание не спасло этих людей, оно лишь удобрило пеплом землю, по которой мы теперь ходим.

Главный вход был завален. Ларс говорил, что нужно обойти справа, через пролом в стене, ведущий в сектор периодики. Я двинулся туда, переступая через битое стекло, хрустевшее под ногами с хрустом свежего льда. Внутри пахло иначе. Здесь пепел смешивался с запахом старой бумаги, плесени и еще чего-то сладковатого, трупного. Мой фонарь выхватывал бесконечные ряды металлических каркасов — останки книжных полок. С них свисали клочья полусгнившей бумаги, похожие на лишайник. Тишина здесь стояла не просто глухая, а какая-то вязкая, поглощающая звуки. Я слышал только стук собственного сердца да шорох осыпающейся штукатурки.

Я прошел через аванзал, мимо исполинского глобуса, погнутого и сплюсненного, словно на него наступили небеса. Глобус все еще вращался, хотя и медленно, со скрипом, и я понял, что нахожусь на границе «кармана». Пространство здесь вело себя непредсказуемо. Нужно

было быть предельно осторожным, двигаться плавно, не делать резких движений, чтобы не спровоцировать гравитационный удар.

Эхо-комната нашлась в подвальном уровне, куда вела уцелевшая винтовая лестница. Ступени пели под ногами глухую металлическую мелодию. Внизу было суше и, как ни странно, теплее. Багровый свет из глубины Котлована просачивался сюда через щели в перекрытиях, создавая причудливую игру теней. И в этом красноватом полумраке я увидел ее. Сцену, застывшую вне времени.

Небольшая комната, уставленная уцелевшими шкафами из темного дерева. В центре — массивный дубовый стол, покрытый толстым слоем пыли, похожим на бархат. А в углу, лицом ко мне, сидела она. Фигура. Это действительно был манекен, но не грубая пластиковая кукла. Это была восковая фигура, исполненная с пугающим анатомическим реализмом. Старуха в строгом сером платье и очках в тонкой оправе, сдвинутых на лоб. Ее восковые руки покоились на подлокотниках кресла-качалки, которое, как мне показалось в первый момент, слегка двигалось. Но нет, это была лишь игра света. А на коленях у нее лежала она. Книга.

Даже с расстояния в несколько метров я видел, что книга — исключительная. Переплет из темной, почти черной кожи, украшенный не просто тиснением, а инкрустацией из какого-то металла, который впитывал багровый свет и отдавал его мягким золотым сиянием. Она была толстой, с слегка пожелтевшими, но целыми краями страниц. Это не был продукт довоенной типографии. Это был артефакт, манускрипт, возможно, куда более древний, чем сам город.

Жажда наживы на миг затмила осторожность. Я сделал шаг вперед, забыв проверить пол перед собой. И тут же пожалел об этом. Пространство вокруг меня «схлопнулось». Воздух стал плотным, как вода, в ушах зазвенело. Я замер, парализованный ледяным ужасом. Гравитационная ловушка. Слабая, но крайне неприятная. Если я сделаю еще одно неверное движение, меня просто размажет по полу. Я заставил себя дышать медленно, успокаивая пульс. Стрелка «Вертушки» застыла на отметке «смертельно». Медленно, очень медленно я перенес вес на заднюю ногу и сделал шаг назад.

Давление ослабло. Я выдохнул, чувствуя, как по спине течет холодный пот. Ларс, старый пьяный дурак, не сказал мне про защитный контур. Либо не знал, либо, что вероятнее, специально умолчал. Теперь нужно было искать обходной путь.

Я начал кружить по периметру комнаты, внимательно глядя под ноги и на детектор. Аномалия была не привязана к манекену, она, словно озеро, разлилась в центре, оставив узкий, извилистый «берег» у стен. Я двигался по этому берегу, словно канатоходец, ощущая, как дрожит воздух у самого лица. Манекен провожал меня своим пустым восковым взглядом. Вблизи она оказалась еще более жуткой. Под слоем пыли виднелись тонкие морщины, волоски в носу, ресницы. Казалось, она сейчас моргнет и спросит мой читательский билет.

Но мое внимание было приковано к книге. Я оказался на расстоянии вытянутой руки. Осторожно, миллиметр за миллиметром, я вытянул руку. Кончики пальцев уже касались шершавой кожи переплета, ощущали холод металлических вставок. Я чувствовал запах старой бумаги, воска и чего-то неуловимо пряного, напоминающего ладан. Еще мгновение...

И тут манекен дернулся. Нет, он не ожил. Это крепление кресла, видимо, прогнившее от времени, подало под тяжестью, и восковая старуха резко клонула носом вперед. Ее очки

соскользнули с переносицы и упали, а руки, до того спокойно лежавшие на коленях, дернулись в судороге, и книга соскользнула с них, глухо ударившись о бетонный пол у самых носков моих сапог. В тот же миг в комнате что-то изменилось. Багровый свет стал ярче, словно кто-то прибавил фитиль в лампе. Ловушка, питавшаяся статичностью этого места, пришла в движение, ее контуры поплыли.

Не думая, я подхватил книгу с пола. Она была тяжелой, словно камень. Я рванулся назад, к лестнице, петляя как заяц, чувствуя, как воздух позади меня начинает гудеть и уплотняться. Пространство рвалось в клочья, гравитационная волна прошла в метре от меня, всосав в себя стеллаж так, что он сжался в шар размером с кулак. Я не бежал, я летел, перепрыгивая через ступеньки, забыв об опасности. Инстинкт самосохранения гнал меня прочь от этого проклятого подвала, прочь от хохочущего эха, которое, казалось, несло за мной по пятам.

Я остановился только в ржавых ангарах, на безопасной территории, у бетонного блока с выцарапанной меткой нашего убежища. Сердце колотилось где-то в горле. Легкие горели огнем, во рту снова был пепел. Я прислонился спиной к холодному бетону и сполз на землю. Вокруг была тишина, только капли дождя барабанили по железной крыше. Я сжимал книгу в руках до боли в пальцах, боясь, что она исчезнет, растворится, как мираж.

Я достал фонарик, настроил его в режим тусклого накала и осторожно положил книгу на колени. Даже в этом скудном свете она была великолепна. Переплет был холоден, как лед, и не нагревался от моих прикосновений. Металлические вставки складывались в сложный геометрический узор, который, казалось, двигался, если смотреть на него боковым зрением. Замка не было, но страницы срослись настолько плотно, что я боялся их повредить. Я провел пальцем по корешку, пытаюсь нащупать название. Ничего. Только символ. В центре переплета, в круге из тусклого золота, был изображен стилизованный глаз. Зрачок его был не нарисован, он был пуст, и эта пустота уходила куда-то вглубь переплета. Я не мог оторвать от него взгляда. Эта пустота манила, затягивала, обещая ответы на все вопросы. Я чувствовал, как внутри меня просыпается странное, жадное любопытство, смешанное с первобытным страхом.

Книга пахла не только ладаном и временем. Теперь, в тишине и безопасности, я различил еще один запах, едва уловимый, исходящий от страниц. Это был запах озона, чистого электричества, как после сильной грозы. Запах надвигающейся бури.

Я попытался открыть книгу. Страницы не поддавались. Я нажал сильнее, рискуя порвать ветхий пергамент, но он оказался прочнее стали. Тогда я поднес книгу ближе к свету, и в этот момент заметил то, что упустил в эйфории находки. На внутренней стороне обложки, скрытая в тени переплета, была надпись. Не золотое тиснение, а выжженные, обугленные до черноты буквы, которые слабо светились остаточным теплом. Они были на языке, которого я не знал, символы ломаные и острые, как осколки костей. Но самое странное — пока я смотрел на них, они начали меняться. Линии поплыли, подернулись рябью, как воздух над костром, и прямо у меня на глазах перестроились в слова. Слова, которые я мог прочесть. Это не был Старый Язык Шептуна и не жаргон Пустоши. Это был мой язык, но слова складывались в предложения, от которых у меня побежали мурашки по коже, а дыхание перехватило ледяным обручем.

«Тот, кто держит эту книгу, держит ключ. Но дверь открывается лишь единожды, и лишь для того, чья тень рассвет переживет. Готов ли ты увидеть первый свет и последний пепел?»

Я прочитал это трижды, хотя смысл врезался в сознание с первого раза. В мире, полном фокусов аномалий и бреда выживших из ума сталкеров, эта книга не была просто вещью. Это было послание. Или угроза. В моих руках лежал не просто антиквариат для продажи перекупщику. Это была дверь, о которой я ничего не знал. Ключ к чему-то, что пугало меня до оцепенения.

В этот момент луч фонарика дрогнул. Заряд батареи иссякал. Свет стал тускнеть, и золоченый глаз на обложке, казалось, подмигнул мне в наступающей темноте. Я сидел один, среди руин, в мире, утонувшем в пепле, и держал в руках запретное знание. Дождь за стенами ангара усилился, переходя в ледяной ливень, стегавший по металлу. А я все смотрел на книгу, понимая, что моя жизнь только что разделилась на «до» и «после». И что бы ни ждало меня завтра — торговцы, бандиты или сама Гниль — эта ночь изменила всё. Потому что я нашел не просто книгу. Я нашел свою тень. И свой рассвет, который мне еще только предстояло заслужить.

Глава 2. Туман и дождь

Я не помню, как добрался до своей норы. Ноги несли меня сами, механически переставляя ступни по разбитому асфальту, утопающему в лужах ледяной воды. Дождь усиливался, переходя в настоящий потоп. Он хлестал по лицу, стекал за воротник, но я почти не чувствовал холода. Внутри меня горел странный, лихорадочный жар. Книга лежала за пазухой, прижатая к груди ремнями разгрузки, и я ощущал ее присутствие каждой клеткой кожи. Она не просто лежала там, тяжелая и холодная, она, казалось, вибрировала в такт моему сердцебиению или, может быть, мое сердце подстраивалось под ее неслышимый ритм.

Сектор обитаемых трущоб встретил меня запахом сырой глины, гниющего дерева и дыма кизячных печей. Здесь, в лабиринте укрепленных подвалов и наспех сколоченных лачуг, ютился человеческий муравейник — те, кто не мог позволить себе место в бункерах Внутреннего Круга, кто кормился с Пустоши и умирал тихо, не оставляя следов. Мое убежище было на отшибе, в остове рухнувшей водонапорной башни, чудом удержавшей кусок бетонной крыши. Дверь, сваренная из листов броневой стали, поддавалась с привычным скрежетом. Внутри было темно и сыро, но это была моя сырость, мой запах, моя безопасность.

Я зажег масляный светильник — фитиль, плавающий в консервной банке с ворванью, — и запер засов. Только тогда я позволил себе выдохнуть. Руки дрожали, когда я расстегивал разгрузку. Книга выскользнула на самодельный стол, обитый листом фанеры, и глухо стукнула о столешницу. В тусклом оранжевом свете она выглядела еще более чуждой, чем в подвале библиотеки. Геометрический узор на обложке теперь напоминал не просто рисунок, а какую-то сложную схему, карту неведомых лабиринтов. Глаз в центре, казалось, следил за мной из любого угла комнаты. Я скинул мокрый плащ, повесил его на крюк и сел напротив книги, словно на переговоры с врагом.

«Тот, кто держит эту книгу, держит ключ. Но дверь открывается лишь единожды, и лишь для того, чья тень рассвет переживет». Слова выжженной надписи звучали в голове набатом. Что это значит? Метафора? Шифр? Или просто бред сумасшедшего переписчика, жившего задолго до Катаклизма? Я провел рукой по лицу, стирая грязь и капли дождя. Пальцы пахли озоном — тем самым запахом, что пропитал страницы книги. Мне нужно было понять, что я принес в свой дом. Оружие? Сокровище? Или проклятие?

Я попытался открыть ее снова. Медленно, осторожно, поддевая ногтем край верхней обложки. На этот раз она поддалась. Не распахнулась, но словно нехотя приоткрылась, будто разбуженный зверь, который показывает зубы перед тем, как укусить. Первая страница. Плотный пергамент цвета слоновой кости, покрытый мелкой вязью рукописных символов. Чернила были алыми, словно запекшаяся кровь, и слегка светились в темноте, отбрасывая розоватые блики на мои ладони. Язык был незнаком — те же ломаные, колючие знаки, что и на обложке. Но пока я вглядывался в них, пытаюсь найти хоть какую-то систему, произошло то же чудо, что и в прошлый раз. Буквы поплыли перед глазами, задрожали, словно отражение в воде, и начали складываться в слова, которые я мог прочесть. Это было похоже на перевод, но не в мозгу, а где-то глубже, на уровне интуиции, словно книга говорила со мной не через грамматику, а через образы.

Я прочел первую строку, и ледяной холод пронзил позвоночник. «Когда небо раскололось и пепел поглотил солнце, осталась только память. Но память лжива. Истина спрятана глубже, в корнях того, что вы зовете Гнилью. Ты, нашедший этот манускрипт, стоишь на пороге». Дальше шел текст, похожий на летопись, смесь пророчества и научного отчета. Я читал, забыв о времени, о холоде, о голоде. Страницы переворачивались сами, едва я успевал дойти до конца. Книга описывала мир до Катаклизма не так, как рассказывал Шептун. Не было идиллических картин зеленых лесов и мирных городов. Здесь говорилось о мире, пожирающем сам себя. О Последней Войне, которую вели не армии, а лаборатории. О вирусе не плоти, а пространства. О том, что Гниль — не просто аномалии, не просто побочный эффект старых технологий, вышедших из-под контроля. Это был проект. Оружие, призванное переписать реальность. Но что-то пошло не так, и реальность начала переписывать саму себя, стирая создателей.

Мои руки дрожали все сильнее. Я узнавал в этих строках то, что видел каждый день. Оплавленные края Котлована, зоны измененной гравитации, эхо-комнаты, где время шло вспять. Но книга утверждала, что Гниль разумна. Что это не хаос, а процесс. Болезненная, изуродованная эволюция планеты, пытающейся выносить в своем чреве новую форму бытия. И те, кто выжил, — не счастливчики, а материал для этой эволюции. Удобрение для новой почвы. От этих мыслей меня затошнило. Я захлопнул книгу, не в силах читать дальше. Золоченый глаз смотрел на меня с немим укором.

Мне нужен был воздух. Я схватил плащ, еще мокрый и тяжелый, и выскочил наружу, в ночь, в дождь, подальше от этого безмолвного голоса, звучащего прямо в черепе.

Снаружи мир утонул в тумане. Такого тумана я не видел давно. Он поднимался из глубин Котлована, густой, белый, почти осязаемый, словно вата, пропитанная химикатами. Он гасил звуки, скрадывал расстояния, превращал знакомые развалины в призрачные декорации. Дождь не прекращался, но теперь он был каким-то маслянистым, тяжелым. Капли падали медленно, оставляя на одежде и коже жирный блеск. Я стоял, прислонившись спиной к холодному бетону башни, и пытался выровнять дыхание. Легкие жгло, но не от бега, а от слов, что я прочел.

В тумане мелькнула тень. Я напрягся, правая рука скользнула к рукояти ножа на поясе. Из молочной пелены, шатаясь, вышел человек. Это был Дырявый Курт, местный пьяница и информатор, безобидный, но надоедливый, словно муха. Он был бледен, глаза выпучены, редкая борода слиплась от влаги в сосульки. Он вцепился в мой плащ грязными пальцами, от него разлило перегаром и животным страхом.

— Эван... — прохрипел он, закашлявшись. — Ты слышал? Слышал это?

— Что слышал? — я попытался отцепить его руки, но он держал крепко, словно утопающий.

— Шепот, Эван! Шепот из Котлована! Он сегодня громче, он зовет! Говорит, что дверь открылась! Что кто-то потревожил сон! — его билa крупная дрожь. Я знал, что Курт был контужен еще при первом Прорыве, и у него часто случались видения, но сейчас в его глазах стоял такой подлинный, животный ужас, что мне стало не по себе. — Говорят, за тобой следили, парень! Говорят, ты унес то, что нельзя было трогать! «Падальщики» уже рыщут, они чуют добычу! И не только они...

Он резко замолчал и уставился куда-то за мое плечо, в туман. Я обернулся инстинктивно, выхватив нож. Никого. Только белая пелена и шорох дождя. Когда я повернулся обратно, Курт уже исчез, растворился в тумане так же внезапно, как и появился, оставив после себя лишь запах страха и дешевого пойла. Его слова эхом отдавались в моей голове: «Падальщики», «шепот», «нельзя было трогать». Я знал, что моя вылазка не осталась незамеченной. У стен есть уши, а у теней — глаза, особенно в этом крысятнике. Но паника Курта была иной, глубинной. Он говорил о шепоте из Котлована так, будто слышал его сам. А если и я начал его слышать?

Я вернулся в убежище, запер дверь на все замки и заложил засов ломом. Светильник почти догорел, и в комнате воцарился красноватый полумрак. Книга лежала на столе, и, клянусь, она пульсировала. От нее исходило тепло, и металлические вставки на обложке сияли собственным светом, без всякого внешнего источника. Я понял, что больше не смогу откладывать. Нужно было идти к Шептуну. Только он мог знать, что это за язык, что это за символы. Только он мог отделить правду от безумия.

Путь до общинной «Читальни» — так мы называли старый бомбоубежище под руинами школы — занял около часа. Туман стал еще гуще, видимость упала до пары метров. Маслянистый дождь превратил землю в скользкое месиво, в котором ноги вязли по щиколотку. Город мертвых звучал. Из тумана доносились странные шорохи, скрежет металла, далекие, приглушенные стоны. Я знал, что это могут быть и аномалии, и дикие животные, и просто игра воображения. Но сегодня каждый звук казался зловещим предвестником.

В бункере Шептуна было тепло и душно. Пахло сухими травами, старой бумагой и машинным маслом. Старик сидел в своем продавленном кресле у железной печки, укрытый ворохом одеял, несмотря на жару. Он был слеп уже много лет, но его внутреннее зрение было острее, чем у иного зрячего. Когда я вошел, он поднял голову, и его незрячие, затянутые бельмами глаза уставились точно на книгу, которую я держал в руках.

— Ты нашел ее, — прошептал он. Не спросил, а констатировал факт. Голос его был сух, как пергамент, который он так любил. — Я знал, что этот день придет. Я чувствовал, как зашевелилась Гниль. Ты принес беду, мальчик.

— Или спасение, — возразил я, хотя сам уже не был в этом уверен. Я положил книгу ему на колени. Он вздрогнул от прикосновения, словно его ударило током. Его костлявые пальцы, скрюченные артритом, начали поглаживать переплет, ощупывать каждую впадину тиснения, каждую металлическую вставку.

— Это она, — выдохнул он. — «Кодекс Забвения». Я думал, это легенда. Детская страшилка, которой нас пугали старики, когда мы были еще юнцами, бегаящими по радиоактивным пустошам.

— Что это за книга? — я сел на деревянный табурет напротив него. — Ты можешь прочесть ее?

— Прочесть? — Шептун горько усмехнулся, обнажив беззубые десны. — Эван, это не та книга, которую читают. Она сама читает тебя. Говорят, что она была написана еще до того, как первый камень лег в основание этого проклятого города. Ее страницы — это не бумага, это застывшее время. События, которые уже произошли, и те, которые еще только произойдут. Она показывает истинную структуру Гнили, ее нервную систему. Говорят, что первые сталкеры, те, кто еще помнили запах свежего хлеба, искали ее по всему континенту. Они верили, что в ней записан ключ к Первому Рассвету. К миру без аномалий.

— И что случилось с теми, кто нашел ее?

— А ты как думаешь? — Шептун поднял голову, и мне показалось, что его белые глаза смотрят мне прямо в душу. — Никто не вернулся, чтобы рассказать об этом. Либо книга уничтожала их разум, либо... они находили то, что искали, и это знание убивало их. Или делало кем-то похуже, чем мертвецы.

Он замолчал. В печной трубе завывал ветер. Туман, казалось, просочился и сюда, в подвал, заставляя пламя свечи нервно трепетать. Я рассказал ему про надпись на обложке, про то, что смог прочесть, про теорию книги о рукотворности Гнили. Шептун слушал молча, только пальцы его все быстрее бегали по обложке.

— Рукотворная... — пробормотал он. — Интересное слово. Ты уверен, что понял его правильно? Может быть, не «рукотворная», а «рукописная»? Может, это не оружие, Эван, а просто предупреждение, которое мы не смогли прочитать вовремя? Или, что еще хуже... инструкция.

— Инструкция для кого? — спросил я, чувствуя, как по спине ползет холодок.

— Для тебя, — отрезал он. — Ты нашел ее. Она тебя выбрала. Случайностей не бывает, мальчик. Хромой Ларс не просто так рассказал тебе про эхо-комнату. Он пешка, как и мы все. Гниль ждала. Или то, что скрывается под ней. Ты прочел первую страницу. Что ты почувствовал?

— Страх, — честно признался я. — И... странное желание. Любопытство. Будто меня что-то зовет.

— Туман, — кивнул Шептун, словно я подтвердил его опасения. — Туман и дождь. Они приходят, когда истончается грань. Котлован сегодня поет особенно громко, я слышу его даже через бетон. Он поет о тебе, Эван. Ты должен от нее избавиться. Отнести туда, где взял. Или выбросить в самый глубокий разлом. Пока не стало слишком поздно.

Я молчал. Внутри меня боролись два чувства: животный страх перед неизвестностью и жгучее, неподвластное разуму желание открыть книгу снова. Прямо сейчас. Прямо здесь. Я знал, что если я загляну на следующую страницу, обратного пути не будет. Но что мне было

терять? Жизнь в грязи, в постоянном страхе, в мире, который доживает последние дни? Я вспомнил слова из пророчества: «... для того, чья тень рассвет переживет». Может, это мой шанс? Не просто выжить, а победить? Понять? Я протянул руку и забрал книгу с колен Шептуна. Старик не сопротивлялся, только вздохнул тяжело, словно прощаясь.

— Ты совершаешь ошибку, — прошепел он. — Но все мы их совершаем. Я тоже был молодым и глупым. Думал, что смогу выудить из старых книг формулу спасения. А нашел только пепел на губах. Иди. Но знай, что «Падальщики» не единственные, кто ее ищет. Есть культы, Эван. Древние, как сам Котлован. Они поклоняются Гнили, они молятся на туман. Они называют ее «Матерью» и жаждут, чтобы она завершила свое перерождение. И им нужен этот Кодекс, чтобы помочь ей. Если они узнают, что книга у тебя, они сожрут тебя заживо и используют твои внутренности для своих ритуалов.

Я встал. Спорить было бессмысленно. Я уважал Шептуна за его знания, но его время прошло. Его поколение пряталось в норах и молилось, чтобы тьма их не заметила. Мое поколение должно было научиться смотреть тьме в глаза и выжигать ее. Я спрятал книгу под плащ и направился к выходу.

— Эван! — окликнул он меня у самой двери. Я обернулся. Старик смотрел на меня, но не своими мертвыми глазами, а всем своим существом, излучая волну такой щемящей скорби, что мне стало не по себе. — Когда туман рассеется, посмотри на свою тень. Посмотри внимательно. Если книга приняла тебя, ты увидишь. Это нельзя будет исправить.

Я кивнул, хотя он не мог этого видеть, и вышел наружу, захлопнув за собой тяжелую стальную дверь. Снаружи меня встретили туман и дождь.

Я брел обратно через трущобы, минуя покосившиеся лачуги и залитые водой развалины. Слова старика тяжелым грузом давили на плечи. Я верил ему, верил в его страх, но одновременно с этим чувствовал, как книга у сердца начинает жечь кожу. Это не было болью. Это было обещанием.

Дорогу мне преградила троица фигур, вынырнувших из переулка. «Падальщики». Я узнал их по нашивкам — оскаленному черепу на рваных кожаных куртках. Главарь, здоровенный детина с лицом, изуродованным шрамами, держал в руках обрезок трубы. Двое других поигрывали монтировками. Хромой Ларс стоял чуть поодаль, испуганно озираясь. Стукач. Убью.

— Эван, — пробасил главарь, сплевывая сквозь зубы. — Слышал, ты на днях сходил в библиотеку и вернулся с хорошим уловом. Покажи-ка нам свою находку. По-хорошему.

— Там ничего не было. Пустышка, — я старался, чтобы мой голос звучал ровно. — Пара ржавых жестянок. Если вам нужен хлам, можете забрать себе.

— Не ври мне, — он сделал шаг вперед. Туман клубился у его ног. — Мы знаем про книгу. Эхо-комнаты молчат, когда из них что-то забирают. А они замолчали сегодня. Мы слышали тишину, а это дорогого стоит.

Я понимал, что драки не избежать. Трое против одного — плохой расклад даже для опытного бойца. Я сунул руку под плащ, делая вид, что хочу достать книгу, а сам нащупал рукоятку

ножа. Но главарь был быстрее. Труба со свистом рассекла воздух. Я едва успел увернуться, уходя в перекат по грязной земле. Книга вывалилась из-за пазухи и шлепнулась в лужу.

— Хватай ее! — заорал главарь.

Один из подручных бросился к книге, но в тот момент, когда его пальцы коснулись обложки, раздался звук, похожий на звон разбитого хрусталя, смешанный с криком баньши. Пространство вокруг книги исказилось, воздух пошел рябью. Я увидел, как рука бандита на секунду погрузилась во что-то черное, пульсирующее, а затем он отлетел в сторону с душераздирающим воплем, держась за обрубок запястья. Крови не было. Кисть просто исчезла, а срез покрывала та же самая багровая плесень, что светилась в Котловане. Двое других застыли в ужасе. Я оцепенел не меньше их. Книга защищалась. Или, точнее, она не терпела чужих прикосновений.

Туман вокруг нас начал сгущаться, и из него донесся тот самый «шепот», о котором говорил Курт. Бессвязный, многоголосый, полный боли и тоски. Он давил на барабанные перепонки, проникал под череп. «Падальщики» дрогнули. Их главарь выругался последними словами, подхватил раненого, и они скрылись в белой мгле, оставив меня одного. Одного в тумане, под дождем, наедине с книгой, лежащей в грязной луже.

Я подошел к ней, ожидая удара, но книга была спокойна. Ее обложка даже не намокла, капли дождя испарялись, не долетая до нее. Я поднял тяжелый фолиант и прижал к груди. Страх прошел. Его сменила холодная, стальная уверенность. Это была сила. Настоящая сила. И она принадлежала мне.

Вернувшись в башню, я не стал зажигать свет. Я сел у окна и смотрел, как дождь барабанит по стеклу, как туман пожирает руины. Потом я зажег свечу, поставил ее так, чтобы пламя отражалось на полу, и медленно разжал пальцы, положив книгу перед собой. Я должен был увидеть. Я медленно встал, выпрямился во весь рост, так, чтобы свет падал из-за спины. Моя тень легла на стену напротив — длинная, уродливая, исковерканная игрой неровных досок.

Но я смотрел не на ее форму. Я смотрел на границу, где свет встречался с тьмой.

Сердце пропустило удар, а затем забилося с удвоенной силой. Моя тень дрожала. Ее край не был четким. Он подрагивал, струился, словно дым. И в этой дымке, там, где должно было быть лишь черное ничто, я увидел нечто. Мерцающий контур крыла. Или ветви. Я резко обернулся, надеясь увидеть, что это просто игра теней от какой-то вещи, висящей на стене. Но стена была пуста. Я снова посмотрел на тень. Она разрасталась, становилась гуще, живее. Теперь я отчетливо видел, как из моих плеч тянутся вверх изломанные, черные линии, похожие на обгоревшие кости, оплетенные клубами тумана. Это была не тень человека. Это была тень существа, рожденного Гнилью.

Шептун был прав. Книга приняла меня. И процесс, что бы он ни значил, уже начался. Дождь за окном перешел в ливень, туман скрыл весь мир, оставив меня один на один с этой жуткой, истинной формой моей души, которую я только что обрел в пепле.

Глава 3. Отражение луны

Я не спал до самого рассвета. Впрочем, рассветом это можно было назвать лишь условно. Небо над руинами не посветлело, оно просто сменило оттенок черного на грязно-серый, как старая тряпка, которой протирают машинное масло. Дождь прекратился, но туман остался, он лежал на земле тяжелым ватным одеялом, скрадывая очертания развалин. Я сидел на полу, прислонившись спиной к холодной бетонной стене, и смотрел на свою тень. Она вернулась в норму, стала обычной, человеческой. Но я знал правду. Я видел то, что скрывается под кожей реальности.

Книга — «Кодекс Забвения», как назвал ее Шептун — лежала на столе, закрытая. За ночь я не притронулся к ней снова. Мне нужно было переварить то, что я уже узнал. Во рту стоял металлический привкус, а кончики пальцев онемели, словно я долго держал их в ледяной воде. Я пытался собрать мысли воедино, выстроить логическую цепочку, но все рассыпалось. Слишком много переменных. Слишком много страха. И все же одна мысль пульсировала в сознании ярче прочих: если Гниль рукотворна, значит, существует способ обратить ее вспять. А если Кодекс — инструкция, я должен прочесть ее до конца. Чего бы мне это ни стоило.

В дверь постучали. Я вздрогнул и выхватил нож. Стук был условным — три быстрых удара, пауза, еще два. Так стучали свои. Я подошел к двери, отодвинул засов. На пороге стояла Мара. Она была закутана в длинный серый плащ с капюшоном, с которого стекала вода. Лицо бледное, осунувшееся, под глазами темные круги, но взгляд острый, цепкий. Мара была из тех, кого называли «бегунами» — она доставляла сообщения между секторами, проскальзывая через кордоны и аномалии с ловкостью змеи. Мы знали друг друга давно, еще с тех пор, когда я только учился ремеслу поисковика, а она тайком носила записки от моей сестры, пока та была жива. С тех пор мы то расходились на месяцы, то сталкивались в самых неожиданных местах, словно сама судьба сталкивала нас лбами.

— Ты выглядишь хуже трупа, — сказала она вместо приветствия и вошла внутрь, даже не спрашивая разрешения. — По всему сектору шепчутся, что ты разворошил осиное гнездо. «Падальщики» взбешены. Говорят, ты прикончил Клеца, даже не прикоснувшись к нему. И у него вместо руки теперь... нечто.

— Он сам виноват, — я закрыл дверь и задвинул засов. — Не стоило лезть туда, куда не просят.

Мара стянула капюшон, встряхнула коротко стриженными черными волосами. Ее взгляд упал на книгу, лежащую на столе. Она замерла. Я видел, как напряглись ее плечи, как пальцы сжались в кулаки. Она узнала ее. Не по виду, а по ощущению, по той вибрации, что исходила от Кодекса.

— Так это правда, — прошептала она. — Ты действительно нашел ее. Я думала, это очередная байка Хромого Ларса.

— Ты знаешь, что это? — спросил я, хотя ответ был очевиден.

— Знаю, — она медленно подошла к столу, но не стала прикасаться к книге, только склонилась над ней, всматриваясь в золоченый глаз на обложке. — Мой отец искал ее всю жизнь. Он был ученым, еще до Катаклизма. Работал в том самом комплексе, где, по слухам, все и началось. Когда нас эвакуировали, он успел захватить только одну вещь — дневник своего руководителя. Я читала его в детстве, прячась от бомбежек. Там были рисунки. Точно такие же

символы, как здесь. Глаз, геометрические узоры. И подпись: «Кодекс Забвения. Фаза первая. Активация Протокола».

— Протокола? — я подался вперед, чувствуя, как внутри закипает надежда. — Значит, это действительно инструкция? Способ остановить Гниль?

— Или запустить ее окончательно, — Мара повернулась ко мне, и в ее глазах я увидел страх. Тот самый, что терзал меня всю ночь. — Отец говорил, что Кодекс — это не просто книга. Это ключ. И он открывает не одну дверь, а множество. Каждый, кто его читает, видит свое. Одни находили там пророчества о конце света, другие — руководство по созданию аномалий, третьи — карту сокровищ. Кодекс показывает то, что ты ищешь. А что ищешь ты, Эван?

Я молчал. Вопрос повис в воздухе, тяжелый и вязкий, как предгрозовая духота. Что я искал? Мест? Гниль забрала мою семью, моих друзей, мой дом. Спасение? Я хотел жить, но какой смысл в жизни, если мир вокруг превращается в ад? Истину? Но готов ли я был принять ее, какой бы чудовищной она ни оказалась?

— Я хочу понять, — сказал я наконец. — Понять, почему все это произошло. И можно ли это исправить.

Мара долго смотрела на меня, потом перевела взгляд на мое плечо. Я проследил за ним и вздрогнул. На стене, прямо за моей спиной, маячила моя тень. И она снова менялась. В утреннем полумраке, рассеянном свете масляной лампы, она казалась глубже, чернее, чем должна была быть. Ее края шевелились, словно живые, а из плеч тянулись вверх тонкие, призрачные отростки. Я отшатнулся, и тень послушно дернулась за мной, но отростки исчезли не сразу, они задержались на долю секунды, будто не хотели уходить.

— Что это? — голос Мары дрогнул. — Эван, что с твоей тенью?

— Книга, — я сглотнул ком в горле. — Шептун сказал, что если она примет меня, моя тень изменится. Я думал, это метафора. Но нет.

— Тебе нужно уходить, — Мара схватила меня за плечо. Ее пальцы были холодными и цепкими. — Сегодня же. Сейчас. «Падальщики» — не главная проблема. В город идут Странники. Я видела их на восточном тракте, сразу за поясом аномалий. Трое, в черных балахонах, с посохами. Они не люди, Эван. Я смотрела на них через прицел, и у них не было лиц. Только клубящийся туман под капюшонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.